

На четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН

На пленарных заседаниях

НЬЮ-ЙОРК. 8 декабря. (ТАСС). 5 декабря Генеральная Ассамблея ООН обсудила вопрос повестки дня сессии «О запрещении атомного оружия и сокращении на одну треть вооружений и вооруженных сил постоянными членами Совета Безопасности».

Как известно, под диктовку делегации США англо-американский блок добился в Специальном политическом комитете отклонения проекта резолюции СССР. Англо-американский блок навязал комитету пустую, бессодержательную франко-норвежскую резолюцию, уводящую в сторону от вопроса о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений.

Выступивший на пленарном заседании представитель Чехословакии Гофмейстер отметил, что, занимаясь на Генеральной Ассамблее разговорами о сокращении вооружений, Соединенные Штаты и Англия на практике делают как раз обратное—вооружают своих партнеров по Североатлантическому союзу.

Делегация Чехословакии, сказал в заключение Гофмейстер, будет голосовать за советскую резолюцию и выражает надежду, что все те, кто по-настоящему стремятся к сохранению мира во всем мире, будут голосовать за резолюцию СССР.

Делегаты Франции и Норвегии выступили в защиту внесенной ими резолюции. Будучи не в состоянии выдвинуть какие-либо доводы против советской резолюции, представители Франции поспешили назвать ее «орудием пропаганды», попутно сделав ряд клеветнических выпадов против миролюбивой политики Советского Союза.

Польский делегат Вербловский отбил нападки представителей англо-американского блока на миролюбивые предложения Советского Союза и показал на фактах, что ответствен за срыв исполнения резолюции Генеральной Ассамблеи о запрещении атомного оружия и сокращения вооружений.

Представитель США Хикерсон, выступая против советской резолюции, признал, что Соединенные Штаты помогают «перевооружению стран Западной Европы».

Представитель СССР Я. А. Малик, выступивший с большой речью, убедительно показал, что сокращению вооружений и запрещению атомного оружия препятствует политика правящих кругов стран англо-американского блока и в первую голову США. Американская политика направлена на подготовку осуществления агрессивных планов с целью установления мирового господства, превращения других стран мира в колонии США и низвержения суверенных народов до положения рабов американского монополистического капитала.

Представитель Украинской ССР Галаган указал, что французский рабочий документ не может быть положен в основу работы комиссии по обычным вооружениям и поэтому делегация УССР будет голосовать против франко-норвежского проекта резолюции, в котором предлагается одобрить положения французского документа.

Явно стремясь поскорее свернуть дискуссию, представители англо-американского блока предпочли не отвечать на выдвинутые против них обвинения и отделиться молчанием. После выступления представителя БССР желающих выступить не оказалось, и председатель Генеральной Ассамблеи поспешил перейти к голосованию.

Однако перед голосованием выступил представитель Франции, который указал, что содержание франко-норвежской резолюции не соответствует названию вопроса, и поэтому предложил изменить это название. Предложение Генеральной Ассамблеи франко-норвежской резолюции, исключая из него всякое упоминание о запрещении атомного оружия и называя резолюцию о «сокращении и регулировании вооружений обычного типа и вооруженных сил».

Против этого предложения французского делегата выступил представитель СССР Я. А. Малик, который указал, что атака против названия вопроса, который обсуждает Генеральная Ассамблея и который включен в ее повестку дня под названием «запрещение атомного оружия и сокращение на одну треть вооружений и вооруженных сил» является попыткой отвлечь внимание от главного вопроса.

Однако и вторичное голосование не придало убедительности принятым резолюциям, поскольку число голосов, поданных за отдельные разделы резолюции, увеличилось лишь на 5—6, а число воздержавшихся фактически осталось неизменным (14—16). Лишь после дополнительного заявления делегатов при голосовании резолюции в целом англо-американскому блоку удалось собрать 32 голоса за резолюцию «трех» и 47 — за американскую резолюцию.

Задача, чтобы всякое упоминание о запрещении атомного оружия, о конкретных мероприятиях по сокращению вооружений изъять из резолюции Генеральной Ассамблеи. Что же касается заголовка, предлагаемого к данной резолюции, которую англо-американский блок уже навязал большинству Специального политического комитета и старается навязать теперь Генеральной Ассамблее, то он также не соответствует содержанию резолюции, так как в этой резолюции вовсе не предусматривается сокращение вооружений. Она предусматривает только сбор сведений о вооруженных силах и вооружениях без атомного оружия. Поэтому было бы честнее назвать ее резолюцией о сборе сведений только о вооруженных силах и вооружениях без атомного оружия. И тогда заголовок соответствовал бы содержанию резолюции.

Судебный процесс болгарского государственного преступника Трайчо Костова и его сообщников

Утреннее заседание 9 декабря

Допрос подсудимого Ивана Гевренова

СОФИЯ, 9 декабря. (ТАСС). На сегодняшнем утреннем заседании Верховный суд Народной Республики Болгарии, рассматривающий дело государственного преступника Трайчо Костова и его сообщников, приступил к допросу подсудимого Ивана Гевренова, бывшего директора объединения резиновой промышленности. Гевренов полностью признал себя виновным. Гевренов выходец из кулацкой семьи, крупный промышленник. Гевренов давно знаком с подсудимым Иваном Стефановым. Они оба сошлись на том, что им одинаково ненавистна пролетарская революция.

Когда царь Борис подписал указ о назначении Стефанова профессором торговой академии в городе Свищеве, показал Гевренов, он заявил: «Стефанов без опасений коммунист. Он может быть профессором».

В июле 1946 года Стефанов сообщил Гевренову о существовании заговорческого центра и рассказал о его целях и задачах.

— Стефанов сообщил мне, — сказал Гевренов, — что вовлекает меня в заговор по убийству Трайчо Костова. С Костовым я впервые встретился в ноябре 1944 года, когда вместе с членами правления Союза промышленников Казанджиевым, Неболевым и Кириллом Славовым посетил его в Центральном Комитете партии.

— Когда мы вышли из Центрального Комитета, показал Гевренов, то по дороге поделились впечатлениями об этой встрече. Неболев, Казанджиев и Славов отозвались о Трайчо Костове, как о человеке, с которым мы нашли общий язык. Я и раньше слышал от наших промышленников подобные отзывы о Трайчо Костове.

Далее Гевренов перешел к описанию своей вредительской деятельности в промышленности. Инструкции и указания в этом отношении он получал от Кирилла Славова. Такие же инструкции и указания от Славова получали Асаниян из объединения шерстяной промышленности, Сто-

Допрос Блага Хаджи-Панзова

Затем суд перешел к допросу подсудимого Блага Хаджи-Панзова, бывшего советника югославского посольства в Софии. Подсудимый признал себя виновным в совершении инкриминируемых ему преступлений.

— По окончании университета в Белграде и частной адвокатской практики, — показал Хаджи-Панзов, — я вернулся в 1941 году в Скопье, где жил нелегально и участвовал в политической борьбе македонцев.

В это время в Скопье начали прибывать люди Тито, которые были намерены прибрать к своим рукам Македонскую компартию или, как ее тогда называли, «Освободительный комитет».

Среди прибывших были Драган Павлович и Лазарь Колишевский, которые сразу же повели борьбу против бывшего тогда секретарем «Освободительного комитета» Мефодия Шатарова (Шарло). Они объявили его сторонником капитализации перед болгарскими оккупационными войсками. В результате Шатаров был вынужден уехать в Болгарию, где в 1944 году погиб, будучи партизаном в Пиринском крае.

После отъезда Мефодия Шатарова в Македонской компартии началась чистка. По признанию Хаджи-Панзова, из партии изгонялись сторонники Шатарова, люди Тито, прибывшие в Македонию, проводили буржуазно-националистическую, открыто враждебную в отношении Болгарии, политику. Они стали принимать в партию людей с ярко выраженными проанглийскими симпатиями. Македонская компартия заполнялась людьми — сторонниками буржуазно-националистического строя, настроенными антисоветски.

В 1943 году, продолжал свои показания Хаджи-Панзов, в Скопье прибыл уполномоченный Тито Светозар Вукманович, а перед тем, в конце 1942 года, в Скопье приехал Добрич Радославлев, нынешний министр финансов Югославии. После их прибытия проанглийские настроения среди официальных лиц приобрели еще более ясный характер. Люди, окружавшие Вукмановича, начали открыто выступать в пользу Англии.

Весной 1944 года, — продолжал Хаджи-Панзов, — мы прибыли в главный штаб Тито, который находился в селе Стайковце, на реке Чинья. Там нам сразу бросилось в глаза присутствие английской военной миссии в составе майора, лейтенанта и сержанта. Все они были в английской военной форме.

Английским офицерам в генеральном штабе Тито оказывалось большое внимание, а представители Болгарской компартии — Йорданка Чанкова, Благот Иванов и Бай Иван находились в полной изоляции. Об этом рассказывал Вукманович.

В июле 1944 года в штаб Вукмановича прибыла и американская военная миссия, состоявшая из двух офицеров и одного сер-

Вечернее заседание 9 декабря

СОФИЯ, 9 декабря. (ТАСС).

На вечернем заседании суд продолжал допрос подсудимого Хаджи-Панзова.

Шпионаж в Болгарии, заявил подсудимый, первоначально был организован посланником Югославии в Софии Николой Ковачевичем, советником Перо Манговским, первым секретарем Митко Зафировским и аташе по культурным вопросам Антоном Коледичем. Они вели широкую разведывательную работу и вовлекли в нее Димитра Христова, братьев Баялчиевых, Трайчо Поп-Димитрова и Кирилла Николаева.

Осенью 1947 года, по распоряжению Кирилла Славова, подсудимый Гевренов разослал специальные формулы всем промышленным предприятиям, которые были заполнены подробными данными о местонахождении, мощностях и производственном профиле всех предприятий. Эти данные Гевренов передал Славову, который в свою очередь передал их английской разведке.

После национализации промышленности, показал Гевренов, саботаж усилился.

Когда Трайчо Костов узнал об этой моей деятельности, сказал Гевренов, он выразил большое удовольствие этим вредительством.

В июле 1948 года, показал Гевренов, Стефанов заявил мне, что ожидается свержение правительства Димитрова и создание правительства во главе с Трайчо Костовым.

Гевренов заявил, что пожелая Стефанова выразилась в следующем: свержение правительства Георгия Димитрова, образование нового правительства во главе с Трайчо Костовым, разрыв с Советским Союзом и новый политический курс — ориентация на капиталистические страны, на Англию и Америку, с которыми необходимо устанавливать политические, дипломатические и экономические связи.

Прокурор Владимир Димчев: Что сказал вам Стефанов в связи с поведением Трайчо Костова на пленуме ЦК и заседаниях Политбюро, а также по поводу его нападок на Георгия Димитрова, которые повели к обострению заболевания Георгия Димитрова?

Подсудимый Иван Гевренов: Стефанов сказал: «Лучше было бы, если бы он умер и тем избавил нас от необходимости его умертвить».

По указанию Хаджи-Панзова, Ангел Динев совершил поездку с разведывательными целями в пограничные районы Болгарии.

В начале июля 1948 года Хаджи-Панзов и заместитель военного атташе Милатович, по распоряжению Ранковича, установили своим агентам-шпионам ежемесячную «зарплату» в сумме 15 тысяч левов. Кроме этого, шпионы Димитр Христов, Кирилл Соколов и Луна Джеров получили единовременное вознаграждение по 20 тысяч левов.

По указанию Хаджи-Панзова, Ангел Динев, когда и находился в отпуске в Белграде, заменил

Допрос подсудимого Ильи Боялчиева

Затем суд перешел к допросу подсудимого Ильи Боялчиева. Боялчиев признал себя виновным по всем предъявленным ему обвинениям.

Подсудимый рассказал, что в Болгарию он прибыл из Югославии в 1931 году. В 1944 году, во время войны, ему предложили вступить в ряды бойцов народно-освободительного движения. Однако он предпочел службу офицером в болгарском фашистском оккупационном корпусе.

В августе 1945 года, показал Боялчиев, я ездил к своим родителям в город Гевгели, расположенный в Вардарской Македонии. Мой брат Христо Боялчиев завербовал меня для работы в югославской разведке среди югославских и македонских политэмигрантов в Софии. По возвращении в Скопье, продолжал Боялчиев, я вел шпионскую работу по инструкциям и указаниям советника югославского посольства Блага Хаджи-Панзова.

Боялчиев развил активную вражескую деятельность среди македонской и югославской эмиграции и превозносил Тито.

В 1946 году, при поддержке других агентов Тито, — показал Боялчиев, — меня избрали председателем македонских культурно-просветительных обществ в Софии.

В это время я вторично поехал в Вардарскую Македонию в качестве делегата на первый съезд Македонского народного фронта. Там я снова встретился со своим братом Христо Боялчиевым. Последний заявил, что необходи-

Допрос подсудимого Василия Ивановского

Последним был допрошен подсудимый Василий Ивановский. Он также признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях.

Во время второй мировой войны, показал подсудимый, я оказался в тюрьме в Скопье. Бежав из тюрьмы, я присоединился к партизанам генерала Светозара Вукмановича (Темпо). После того, как Темпо убедился в том, что я являюсь сторонником Тито, он предложил мне работу в агитационно-пропагандистском отделе генерального штаба.

Наша агитация и пропаганда ставила своей целью умалить успехи Советской Армии и скрыть ее великую освободительную роль. Мы возмечивали Тито, раздували его роль.

Тито делал все возможное к тому, чтобы воспитать партийные и военные кадры в духе ненависти к соседним народам и особенно к братским коммунистическим партиям. Темпо мне не раз

говорил, показал далее Ивановский, что Тито учит не доверять коммунистическим партиям соседних стран. «Не обращай внимания на то, что это коммунистические партии», — заявлял ему Тито.

В Скопье я работал редактором газеты «Новая Македония». На ее страницах я восхвалял Тито и популяризировал его ставленников — Лазаря Колишевского, Любо Арсова и других.

Агенты Тито в Македонии проли чистку рядов Македонской коммунистической партии, убрав из нее людей, защищавших интересы македонского народа. Весной 1945 года без суда и следствия были расстреляны 75 македонцев, обвиняемых в симпатиях к болгарскому народу.

Вскоре после этого, продолжал подсудимый, я был вызван Лазарем Колишевским, который предложил мне выехать в Болгарию и работать там среди македонских эмигрантов. Мне было

дано инструкция обособиться в Софии и опереться на группу франкоязычных партий, среди которых были Кирилл Николов и Ангел Динев. Нужно было постепенно заменить членов македонского национального комитета людьми, послушными Скопье, которые должны были проводить в Болгарии политику Тито в македонском вопросе. Мне было предложено особенно постараться в распространении нашего влияния в Пиринском крае. Из этого я понял, что предстоит присоединение Пиринского края к Югославии. Передо мной была поставлена задача развернуть борьбу против ЦК БКП и особенно против Василия Коларова и Владимира Попгомова, которые твердо и последовательно отстаивали линию Болгарской коммунистической партии по македонскому вопросу и открыто выступили против намерений Тито включить Болгарию в состав Югославии.

Чтобы замаскировать мой отъезд в Болгарию, в Скопье были инсценированы разногласия между мной и Колишевским, а также другими руководителями Македонской компартии. Я приехал в Болгарию и остановился в Софии. Вначале я работал в отделе агитации и пропаганды Софийского областного комитета партии, а позже перешел в агитационно-пропагандистский отдел Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии. Я установил связь с македонскими деятелями — агентами Тито Кириллом Николовым и Ангелом Диневым, а также секретарем югославского посольства Митко Зафировским.

Своей фракционной и подрывной деятельностью, — сказал далее Ивановский, — я проводил через кружки, которые создал, и курсы по воспитанию македонской молодежи. В своих выступлениях и докладах я пропагандировал позицию Тито о присоединении Пиринского края к Македонии в рамках Югославии.

В 1946 году я неоднократно делал письменные и устные доклады Митко Зафировскому о различных разговорах и взглядах руководителей Болгарской компартии.

В ноябре 1946 года Зафировский сообщил мне о том, что он получил от Николы Павлова сведения о позиции отдельных руководителей Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии по македонскому вопросу и по вопросу о федерации южных славян. Он сказал также, что добился согласия Ивана Масларова о добровольной помощи фракционной македонской группе в ее борьбе против македонского национального комитета. Митко Зафировский заявил мне, что Лазарь Колишевский сообщил ему о том, что в этом направлении можно работать и с Трайчо Костовым, но что это не входит в его функции.

После отъезда Зафировского я стал получать инструкции от его заместителя Момчиловича.

Наступила опубликования резолюции Информбюро о положении в коммунистической партии Югославии я получил через Николу Орсева инструкции югославского посольства о том, чтобы формально одобрить резолюцию и объявить себя противником Тито. Это было нужно для того, чтобы сохранить меня и других наших людей в Болгарии.

Уже после опубликования резолюции Информбюро и после того, как 16 пленум Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии осудил национализм Тито и его политику по отношению к Пиринскому краю, я в соответствии с директивами из Скопье написал в Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии заявление, в котором защищал присоединение Пиринского края к Македонской республике в рамках Югославии вне зависимости от того, будут ли нет осуществлена федерация южных славян. Меня поддержало большинство членов македонского национального комитета.

Но когда предательство югославских руководителей во главе с Тито стало явным для всех, я все же выпущен был перестроился. Это было тем более необходимо, что к этому времени я получил выговор за свое заявление по вопросу о присоединении Пиринского края и был снят с работы в ЦК и с должности председателя македонского национального комитета. Я впал в уныние и прекратил свою подрывную деятельность.

Беспокоясь о своей безопасности, сказал в заключение Ивановский, я хотел бежать в Югославию, но Орсиев мне не разрешил. Он мне сказал, что, если будет нужно, они найдут способ вывезти меня, даже против моего желания. К сожалению, обещанная помощь во время не пришла. (Смех в зале).

На этом закончился допрос подсудимых. Завтра суд приступает к допросу свидетелей.

дана инструкция обособиться в Софии и опереться на группу франкоязычных партий, среди которых были Кирилл Николов и Ангел Динев. Нужно было постепенно заменить членов македонского национального комитета людьми, послушными Скопье, которые должны были проводить в Болгарии политику Тито в македонском вопросе. Мне было предложено особенно постараться в распространении нашего влияния в Пиринском крае. Из этого я понял, что предстоит присоединение Пиринского края к Югославии. Передо мной была поставлена задача развернуть борьбу против ЦК БКП и особенно против Василия Коларова и Владимира Попгомова, которые твердо и последовательно отстаивали линию Болгарской коммунистической партии по македонскому вопросу и открыто выступили против намерений Тито включить Болгарию в состав Югославии.

Чтобы замаскировать мой отъезд в Болгарию, в Скопье были инсценированы разногласия между мной и Колишевским, а также другими руководителями Македонской компартии. Я приехал в Болгарию и остановился в Софии. Вначале я работал в отделе агитации и пропаганды Софийского областного комитета партии, а позже перешел в агитационно-пропагандистский отдел Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии. Я установил связь с македонскими деятелями — агентами Тито Кириллом Николовым и Ангелом Диневым, а также секретарем югославского посольства Митко Зафировским.

Своей фракционной и подрывной деятельностью, — сказал далее Ивановский, — я проводил через кружки, которые создал, и курсы по воспитанию македонской молодежи. В своих выступлениях и докладах я пропагандировал позицию Тито о присоединении Пиринского края к Македонии в рамках Югославии.

В 1946 году я неоднократно делал письменные и устные доклады Митко Зафировскому о различных разговорах и взглядах руководителей Болгарской компартии.

В ноябре 1946 года Зафировский сообщил мне о том, что он получил от Николы Павлова сведения о позиции отдельных руководителей Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии по македонскому вопросу и по вопросу о федерации южных славян. Он сказал также, что добился согласия Ивана Масларова о добровольной помощи фракционной македонской группе в ее борьбе против македонского национального комитета. Митко Зафировский заявил мне, что Лазарь Колишевский сообщил ему о том, что в этом направлении можно работать и с Трайчо Костовым, но что это не входит в его функции.

После отъезда Зафировского я стал получать инструкции от его заместителя Момчиловича.

Наступила опубликования резолюции Информбюро о положении в коммунистической партии Югославии я получил через Николу Орсева инструкции югославского посольства о том, чтобы формально одобрить резолюцию и объявить себя противником Тито. Это было нужно для того, чтобы сохранить меня и других наших людей в Болгарии.

Уже после опубликования резолюции Информбюро и после того, как 16 пленум Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии осудил национализм Тито и его политику по отношению к Пиринскому краю, я в соответствии с директивами из Скопье написал в Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии заявление, в котором защищал присоединение Пиринского края к Македонской республике в рамках Югославии вне зависимости от того, будут ли нет осуществлена федерация южных славян. Меня поддержало большинство членов македонского национального комитета.

Но когда предательство югославских руководителей во главе с Тито стало явным для всех, я все же выпущен был перестроился. Это было тем более необходимо, что к этому времени я получил выговор за свое заявление по вопросу о присоединении Пиринского края и был снят с работы в ЦК и с должности председателя македонского национального комитета. Я впал в уныние и прекратил свою подрывную деятельность.

Беспокоясь о своей безопасности, сказал в заключение Ивановский, я хотел бежать в Югославию, но Орсиев мне не разрешил. Он мне сказал, что, если будет нужно, они найдут способ вывезти меня, даже против моего желания. К сожалению, обещанная помощь во время не пришла. (Смех в зале).

На этом закончился допрос подсудимых. Завтра суд приступает к допросу свидетелей.

И. о. ответственного редактора В. П. АЛЕХИН.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРЕ И КИНО:

Обладратре им. А. С. Пушкина — «БЕСПРИДАННИЦА». Кинотеатр им. Щепкина — «СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА». Кинотеатр «Смена» днем — «СТЕПАН РАЗИН», вечером — «СНЕЖНАЯ ФАНАЗИЯ».

АДРЕС РЕДАКЦИИ: г. Курск, ул. Ленина, 77. Телефоны: ответ. редактор—90, зам. ответ. редактора—46, ответ. секретарь—260, отделы: пропаганды, партийной жизни, советского строительства—441, сельскохозяйственный—390, промышленности—356, культуры—947, информации—931, писем—933, начальники издательства—268, директор типографии—254, контора типографии—254, отдел объявлений—142, бухгалтерия—932 два звонка, междугородный (прямой)—64.

Типография газеты «Курская правда»